

Борис Сергеевич Кузин.
1930-е и начало 1960-х годов

был заселён московской и ленинградской интеллигенцией, которой, в силу воспитанности, претила сама мысль использовать в каких-либо целях тело умершего соллагерника. Но именно эта легенда легла в основу рассказа В. Шаламова «Шерри-бренди», написанного по общепринятой версии в 1958 г. Однако, сам автор, выступая позже на вечере памяти О. Мандельштама в мае 1965 г. (мехмат МГУ), отметил что написал свой рассказ «лет 12 тому назад на Колыме»,²³ т.е. в 1953 г. Очевидное расхождение дат, свидетельствует о другом; на Колыме автор не мог знать об этом стихотворении, ходившем в списках. Но это отнюдь не умаляет того, что это было самое первое и, при том очень яркое, художественное произведение о смерти поэта.

Острый интерес вызывает знакомство В. Шаламова со стихами «Я скажу тебе с последней прямоотой...», домашнее название которых – «Шерри-бренди». Стихи написаны О. Мандельштамом в 1931 году во время дружеской пирушки с Б. Ку-

зиным и его коллегами в Зоологическом музее.²⁴ В данном случае, «Шерри-бренди» – в смысле чепуха.²⁵ Писатель не мог ознакомиться с этим стихотворением на Колыме. Скорее всего, это знакомство состоялось к середине 1950-х гг. только в столице и только после освобождения. По его воспоминаниям, возвратившись в Москву, он воочию убедился в том, что «почти в каждом доме есть стихи Мандельштама».²⁶ Может быть, именно тогда и появилось известное сейчас название его рассказа. При жизни поэта это стихотворение не было издано и, как отмечено, «гуляло» по рукам в самиздатовских списках. Шуточно-легковесное и весёлое словосочетание, как символ богемной жизни поэта, ставшее названием шаламовского повествования, ярче и контрастнее оттеняет его трагическую смерть.

* * *

Как известно, сам писатель лично не был знаком с Мандельштамом и на пересылке во Владивостоке с ним не встречался. В одной из бесед с Б. Пастернаком, когда зашла речь о Мандельштаме (поэт сыграл исключительную роль в его судьбе²⁷), на вопрос был ли он с ним знаком, Варлаам Тихонович честно ответил: «Знаю только с чужих слов, что Мандельштам умер в 1938 году во Владивостоке, на пересылке, не попав на Колыму, куда его везли».²⁸

Вероятнее всего, впервые он услышал лагерную легенду на Колыме не только от зеков прибывающих на Колыму, но и от лечащего врача Н. Савоевой (1916-2003). Если разобраться по существу, то все они и сама врач – тоже «пленники легенды».

Нина Савоева родилась в Северной Осетии в крестьянской семье. Окончила сельскую школу-девятилетку. В 1935 г. поступила в 1-й Московский государственный медицинский институт им. Сеченова, совмещая учебу с работой медсестры и няни. В 1940 году после получения диплома, сама обратилась с просьбой направить её на работу в Магадан. Ско-

²³ Шаламов В. Указ. соч., с. 312;

²⁴ Зоолог Борис Кузин – один излучших друзей О. Мандельштама. Они познакомились в 1930 году в Армении. «Отношения близкой дружбы у нас установились даже не быстро, а словно мгновенно», – отмечал он. Это был оригинально мыслящий человек, любивший стихи Б. Пастернака, О. Мандельштама, почитавший немецкую культуру. Ему посвящены отдельные части мандельштамовского «Путешествия в Армению» и стихи к «Немецкой речи». Он первым услышал «роковые» для поэта стихи о «кремлевском горце». В 1934 году был отправлен в ссылку Мандельштам, а в 1935 году арестовали Б. Кузина. Он был осуждён на три года, заключение отбывал в казахстанском лагере, а затем почти шестнадцать лет, до 1952 года, провёл в ссылке в тех же местах. См.: Ральф Дутли. Век мой, зверь мой... Осип Мандельштам. Биография. СПб.: Академический проект, 2005, с. 235-236;

²⁵ Осип Мандельштам. Сочинения в двух томах. Том первый. М.: Худож. литература, 1990, с. 508-509;

Ужены поэта на этот счет иное мнение. В стихотворении «Всё лишь бредни, шерри-бренди, ангел мой», как я думаю, предоставлена роль ангела Мэри (случайная женщина, легкая утеха!), а Ольга (О. Ваксель, одно из сильных любовных увлечений поэта – Авт.) – Елена, которую сбодили греки. Оно написано на людях, когда я весело пила с толпой приятелей кислое кавказское вино, а он рассказывал и бормотал, искоса поглядывая на нас...» См.: Мандельштам Н.Я. Вторая книга, с. 204; Богемность видится не только в веселости пирующей компании и в том, что «кислое вино» представлено аристократическим вишневым брэнди. Бренди (нидерл. brandewijn – огненное вино) – алкогольный напиток, общий термин для обозначения продуктов дистилляции виноградного вина. Если в изготовлении напитка используется какой-либо фрукт, то на этикетке встречаются надписи типа Cherry Brandy (вишневый бренди), Apricot Brandy (абрикосовый бренди) и т.п.

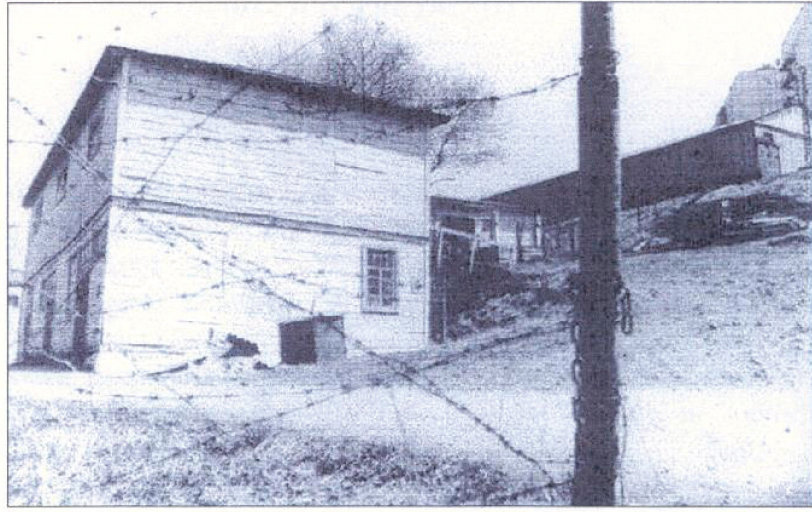
²⁶ Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 312.

²⁷ После первого ареста О. Мандельштама (1934 г.), Сталин сам позвонил Борису Леонидовичу на дом. Состоялся важный исторический разговор, после которого чердынская ссылка было смягчена, и чета Мандельштамов поселилась в Воронеже. См. Сарнов Б. Сталин и Пастернак. – С. 241-360; Сталин и Мандельштам. – С. 363-468. В кн.: Сталин и писатели. Книга первая. М.: ЭКСМО, 2008.; Соколов Б. Указ. соч. с. 46-100.

²⁸ Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 328.

Нина Владимировна Савоева

Бывшая лагерная больничка

рым поездом Москва – Владивосток в составе большой группы молодых врачей выпуска 1-го МГМИ 1940 г. она, вероятно, в середине лета прибыла во Владивосток.

«Городок на Второй Речке Владивостока, вспоминала она, – не очень гостеприимно, без особого комфорта принял группу транзитных пассажиров, ехавших на Колыму. Ещё несколько лет тому назад этот городок являл собою пересыльную зону ГУЛАГа для заключённых всех мастей и статей, направляемых на золотые прииски и оловянные рудники с правом умереть там от стужи, голода и непосильной работы. Теперь эту зону перевели в Ванино и Находку. А Владивосток принимает договорников».²⁹

Здесь автор ошибается; «городок» и Владперпункт – разные вещи. Пересылка в то время работала в «полную силу», по-прежнему была запретной зоной. Изменился только маршрут: из Владивостока транспорт заходил в Находку (здесь обустроивался новый лагерь), затем в Ванино (ставшем вскоре главной транзитной ГУЛАГа) и только после этого – держал курс на Магадан. Это подтверждается воспоминаниями многих лагерников, в частности, А. Евсюгина, находившегося на пересылке Владивостока с мая по июль 1940 года.³⁰ Кроме того, в этом году, согласно имеющимся актам, территория лагеря со всеми строениями еще только передавалась в ведение Тихоокеанского флота – воинской части № 15110.³¹

А «негостеприимный и некомфортный городок на Второй Речке», о котором вспоминает Н. Савоева, – это территория поселка Рыбак между ж/д станцией и «транзиткой» в районе нынешних улиц Иртышской, Гамарника, Постышева и др. в междуречье Второй Речки и речки Ишимки. Тогда к ожидаемому наплыву

вольнонаёмных и, к весьма специфичному контингенту вербованных, – чуть обустроили территорию, привели в порядок старые здания, построили временные, полубрезентовые бараки. Об этом мне рассказывали и писали очевидцы тех событий. К примеру, Р. Кожевников из Уссурийска вспоминал, как в те годы ездил с мыса Песчаный во Владивосток, в гости к бабушке, жившей на ул. Гамарника (дом сохранился). «Напротив, – продолжает он, – был проволочный забор и дома с парусиновым верхом... (где помещались вербованные – Авт.). Отчетливо помню, как сейчас – драки, крики, балалайки, гармошка, пьянки, вонища, костры и мусорные ямы».³²

Вспоминая далее, молодой врач Н. Савоева отмечает: «Прибытие парохода, на котором нам предстояло плыть в бухту Нагаево (порт Магадана – Авт.), задерживалось. Мы пребывали в томительном ожидании. Нас, молодых врачей, попросили помочь на кухне, так как нагрузка на поваров была большая. Поварами, раздатчиками, уборщиками работали в основном женщины. И наша группа врачей на 80 процентов была женской. Одна из поварих работала здесь ещё в лагерной кухне, когда этапы заключённых шли непрерывными потоками. Думаю, что и она сама была тогда заключённой с небольшим сроком по бытовой статье. Она со мной разговаривала доверительно, мне было интересно её слушать. Я ходила к ней в гости несколько раз, и в беседе без свидетелей как-то она мне сказала:

– Хотите, я покажу вам в вашем бараке место на нарах, где умер в 1938 году известный поэт Мандельштам? Он был уже мёртв, а соседи по нарам еще два дня получали на него хлеб, завтрак, обед, ужин (вот она – живучая лагерная легенда – Авт.). Он был из-

²⁹ Савоева Н.В. Я выбрала Колыму. Магадан: АО МАОБТИ, 1996, с. 11.

³⁰ Евсюгин А. Д. Судьба, клейменная ГУЛАГом. Нарьян-Мар, 1993, с. 92-94.

³¹ Индивидуальная учетная карточка (из акта передачи) от 5.10.1940. Копия. Личный архив автора.

³² Письмо Р.Ф. Кожевникова от 23 мая 1989 г. Личный архив автора.

Н.В.Савоева и Б.Н.Лесняк 1970-е гг.

вестен ещё до революции... Мне это имя было тогда ещё не знакомо, но я запомнила его в связи со столь трагической судьбой этого человека».³³

Представить молоденькую женщину-врача на трёхэтажных лагерных нарах пересыльного лагеря, где умирал поэт, достаточно трудно. Но повариха, вероятно, ей что-то показала. Между тем, общеизвестно, что пищу в пересыльном лагере не готовили, поэтому поваров там не было и не могло быть (её готовили в п. Рыбак з/к с малыми сроками и вольнонаёмные повара). Пища, как и вода, – была привозной. Это запомнили практически все, прошедшие ад пересыльного лагеря. По воспоминаниям женщин-узниц пересылки Е. Олицкой и Е. Гинзбург в определённый час, под звон колокола «в зону въезжала походная кухня, – огромный котел с тюремной баландой», которую давали «очень горячей и даже какие-то смертоносные «пирожки»; от них сразу удвоилось количество т.н. «поносников».³⁴ А комбриг А. Горбатов (будущий генерал-полковник, Герой Советского Союза), прибывший на пересылку в июле 1939 г. в своих воспоминаниях писал, как носил воду из водопроводной колонки находившейся за колючей проволокой, в ста метрах от бараков. Это было трудная работа: «воду для заключённых кипятили в двенадцати походных военных кухнях старого образца».³⁵ Кроме бараков,

больнички, санпропускника-«бани» и строительной «шарашки» и административного здания на пересылке более ничего не было.³⁶

Тем не менее, запавший в душу трагический рассказ остался в памяти молодого врача. В сентябре 1940 г. на пароходе «Феликс Дзержинский» она прибыла в Магадан. Работать начала на прииске им. Чкалова. С первых дней, отстаивая интересов больных, постоянно конфликтовала с администрацией лагеря. Через два года она уже главный врач больницы Севлага в п. Беличий Ягоднинского района, где познакомилась с больным з/к В.Шаламовым, реально помогая не только ему, но и другим заключённым, в частности, Е. Гинзбург – будущему автору «Крутого маршрута».

«В 1944 году в больнице Севлага на Беличьей, – вспоминала она, – я рассказала о смерти Осипа Мандельштама В.Т. Шаламову, который попал в больницу как тяжёлый дистрофик и полиавитаминозник. Мы изрядно над ним потрудились, прежде чем поставили его на ноги. Я оставила Шаламова в больнице культургом, сохраняя его от тяжёлых приисковых работ, где он долго продержаться бы не смог. До 1946 года Шаламов оставался в больнице» и «до освобождения из лагеря больше на тяжёлые работы не попадал. Уже в пятидесятые годы под Калининским им написан рассказ «Шерри-бренди» по мотивам моего ему пересказа о смерти Осипа Мандельштама».³⁷

Сам писатель в своих воспоминаниях, замечает, что Беличья – «была местом, где шла борьба за сохранение жизни интеллигентов» и лишь однажды упоминает главврача Савоеву («полная хозяйка Беличьей, член партии»), совершенно не ссылаясь, однако, на её рассказ о смерти О. Мандельштама.³⁸ Зато он хорошо знал Б. Лесняка, арестованного ещё студентом последнего курса медицинского института в Москве. «Колымская колесница, – вспоминал В. Шаламов, – не раздробила, напротив, закалила и выдрессировала его для активного добра». Главврач Н. Савоева и фельдшер Б. Лесняк, испытывавшие взаимные симпатии друг к другу, вступили в брак только после освобождения последнего в 1946 г. Для этого вольнонаёмному главврачу пришлось выложить «на стол» свой партбилет, что по тем временам было серьёзнейшим поступком.³⁹ Она проработала в лагерных больницах до 1952 г.; затем – до самой пенсии и возвращения в Москву, трудилась хирургом Магаданской областной больницы. Свои воспоминания начала писать в 1971 г.

...Рассказ «Шерри-бренди» в исполнении автора впервые прозвучал публично в МГУ, на незабываемом вечере памяти О. Мандельштама 13 мая 1965 г. Вёл

³³ Савоева Н. В. Указ. соч., с. 11.

³⁴ Олицкая Е. Л. Мои воспоминания в 2 кн. Кн. 2. Франкфурт на Майне: Посев, 1971. с. 223; Гинзбург В.С. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. М.: Советский писатель, 1990, с. 132.

³⁵ Горбатов А. В. Годы и войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. с. 132.

³⁶ Об этом автору рассказывали очевидцы: начальник отдела строительства А. Матвеев и чертежник лагерной «шарашки», вольнонаёмный А. Ражев. См.: Марков В.М. Где обрывается Россия... С. 103-129.

³⁷ Савоева Н. В. Указ. соч., с. 12.

³⁸ Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 220.

³⁹ Там же.

В. Шаламов отмечал, что Лесняку и Савоевой он обязан «реальной помощью в нитруднейшие мои колымские дни и ночи. Обязан жизнью. См.: Нина Савоева. Место назначения – Магадан // Доднесь тяготее. Т.2. Колыма. М. Возвращение, с.296.

эту встречу И. Эренбург, лично знавший поэта в молодые годы (они были ровесниками). Впервые за много лет молчания он, что называется, «из первых уст» рассказал широкому читателю о его творчестве и о его трагической судьбе, и акцентировал то, что «русская поэзия 20–30-х годов не понятна без Мандельштама».⁴⁰

Председательствующий мероприятия с первых слов отметил, что «Мандельштам только сейчас возвращается к читателю... Я ничего не хочу внести от той горечи, которая в каждом из нас, тех, кто знал его, видел, кто знал, как трагично он умирал».⁴¹

Когда предоставили слово В. Шаламову, он стоял «бледный, с горящими глазами, напоминая протопопу Аввакума», и сказал то, что от него ожидали: «Мы все свидетели удивительного воскрешения поэзии Мандельштама. Впрочем, он никогда не умирал. Нам давно известно, что его имя занимает одно из первых мест в русской поэзии. ...Он оказался нужным именно теперь...».⁴² Затем он начал читать рассказ «Шерри-бренди»; зал замер...

Почти с первых, начатых им слов, – вдруг по рядам зала пошла записка в президиум, которую передававшие, естественно, успели прочитать; кто-то из присутствующего начальства просил председательствующего «тактично прекратить выступление». Но И. Эренбург положил записку в карман, а Шаламов продолжал читать свой рассказ дальше...⁴³

В тот день в зале находились хорошо известные сейчас личности: поэт Арсений Тарковский, отец ки-

норежиссера А. Тарковского, писатель Н. Чуковский, сын Корнея Ивановича и литературовед-текстолог Н. Степанов. Здесь же присутствовала вдова поэта – Н. Мандельштам, которая в своих мемуарах отмечала, что «рассказ Шаламова – это просто мысль о том, как умер Мандельштам и что он должен был при этом чувствовать. Это дань пострадавшего художника своему собрату по искусству и судьбе»...⁴⁴

...Даже после этого публичного выступления, шаламовский рассказ «Шерри-бренди», являясь, по сути, единственным «свидетельством» последних дней поэта, более двадцати лет ходил в списках самиздата (впервые опубликован в 1968 году в «Новом журнале» (США)).⁴⁵ В родном отечестве его первая публикация состоялась только в 1987 году. Легенда, оправленная в золото плотной языковой ткани, уже сама по себе стала своеобразным памятником опальному поэту. Сам же он считал:

– Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой!

Эти строки написаны в Москве 2 марта 1931 года. До бессмертия великому поэту XX века Осипу Эмильевичу Мандельштаму оставалось семь лет, девять месяцев и двадцать пять дней...

⁴⁰ Там же, 305. По тем временам, биографию О. Мандельштама и особенности его творчества, впервые и достаточно полно, И. Эренбург опубликовал в своих воспоминаниях «Люди. Годы. Жизнь». Здесь использовано издание: М.: Советский писатель, 1990.

⁴¹ Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 304-306.

⁴² Там же, с 312.

⁴³ Там же, с. 313-314.

⁴⁴ Мандельштам Н.Я. Воспоминания, с.363-364.

⁴⁵ Павел Нерлер. От зимы к весне: рассказы В.Т. Шаламова «Шерри-бренди» и «Сентенция» как цикл. (На полях переписки Н.Я.Мандельштам и В.Т.Шаламова). Неопубликованная рукопись, с. 2.

В одном из писем А. Эфрон (дочери М.Цветаевой) от 10 октября 1965 г. есть упоминания о «нелегальщине», т.е. о произведениях отпечатанных в самиздате и, несмотря на карательные меры, тайно распространявшихся среди читателей. В письме упомянуты фамилии авторов: А.Солженицын, Е.Гинзбург и В.Шаламов... См.: Эфрон А.С. История жизни, история души. В 3-х т. М.: Возвращение, 2008; Т.2. Письма 1955-1975, с. 229.